

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.044-056

Д. А. КоковаКабардино-Балкарский государственный
университет имени Х.М. Бербекова
г. Нальчик, Российская Федерация

Семья в фокусе государственной политики и влияние этого тренда на метод семейно-правового регулирования

Резюме. Конституционный принцип поддержки и защиты семьи, а также взаимосвязанные с ним конституционные новеллы 2020 г. в совокупности с утверждением Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей обусловили принципиально новый политико-правовой вектор семейно-правового регулирования. Констатируется естественная связь государства, общества и семьи, которая предполагает допустимость позиционирования последней в качестве объекта политики Российской Федерации. При этом проводится четкая дифференциация семьи как объекта государственной политики и семьи как объекта правового воздействия. В статье представлены рассуждения о специфике метода семейно-правового воздействия; рассмотрена дискуссия о соотношении императивных и диспозитивных начал в семейно-правовом регулировании; обозначены особенности влияния частных интересов на содержание метода семейно-правового регулирования; подчеркнута значимость принципа недопустимости произвольного вмешательства в дела семьи как маркера, предопределяющего специфику метода семейно-правового регулирования. Доказано, что уникальность семейного права заключается в том, что его нормы охраняют и защищают интересы участников семейных правоотношений, фиксируя правовой статус членов семьи. Аргументировано, что при изучении специфики метода семейно-правового регулирования необходимо исходить из того, что семейные отношения являются истинным объектом правового воздействия.

Ключевые слова: семейная государственная политика; семья; семейные правоотношения; метод семейно-правового регулирования; принцип недопустимости произвольного вмешательства в дела семьи; личная тайна; семейная тайна; интересы участников семейных правоотношений; семейное право; семейное законодательство

Для цитирования: Кокова Д. А. Семья в фокусе государственной политики и влияние этого тренда на метод семейно-правового регулирования. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 3. С. 44–56. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.044-056

The Family in Public Policy Focus and Its Impact on the Method of Family Law Regulation

Diana A. KokovaKabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
Nalchik, Russian Federation

Abstract. The constitutional principle of support for and protection of the family, together with the constitutional amendments of 2020 and the adoption of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values, have established a fundamentally new political and legal vector for family law regulation. The natural connection between the state, society and the family is affirmed, which permits positioning the family as an object of family state policy of the Russian Federation. At the same time, a clear distinction is drawn between the family as an object of family state policy and the family as an object of family legal influence. The paper advances arguments concerning the specific method of family law influence. It discusses

© Кокова Д. А., 2026

the balance between imperative and dispositive principles in family legal regulation, notes the impact of private interests on the content of the regulatory method, and emphasizes the significance of the principle prohibiting arbitrary interference in family affairs as a defining marker of that method. It is demonstrated that the distinctiveness of family law lies in its normative function to protect the interests of participants in family legal relations and to fix the legal status of family members. The study concludes that, in analyzing the specifics of the method of family law regulation, one must proceed from the premise that family relations are the true object of family law influence.

Keywords: family public policy; family; family legal relations; method of family law regulation; principle of inadmissibility of arbitrary interference by someone in the affairs of the family; personal secrecy; family secret; interests of participants in family legal relations; family law; family legislation

Cite as: Kokova DA. The Family in Public Policy Focus and Its Impact on the Method of Family Law Regulation. *Lex russica*. 2026;79(3):44-56. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.232.3.044-056

Введение

Целенаправленное правовое воздействие на волю субъектов семейного права при помощи императивного и диспозитивного методов обусловлено значением семьи как уникального социального института. Следует признать, что семья находится в фокусе государственной политики, на что указывают многочисленные нормативные правовые акты. Прежде всего, следует обратить внимание на конституционный принцип государственной поддержки и защиты семьи, лежащий в основе правового регулирования семейных отношений. Он закреплен в ч. 2 ст. 7, ч. 1 ст. 38, а также в п. «ж.1»

ст. 72 Конституции РФ и достаточно часто упоминается в актах Конституционного Суда РФ¹. Интересно, что в одних актах Конституционный Суд РФ связывает этот принцип с обязанностями, возложенными на социальное государство², а в других — с принципами правового государства³. Отметим, что ученые-юристы исходят из дифференциации принципов государственной поддержки и государственной защиты семьи⁴, но признают их взаимосвязанность, поскольку поддержка без защиты не может быть эффективной⁵. Следует подчеркнуть, что в одном из актов стратегического планирования — Указе Президента РФ от 14.05.1996 № 712⁶ — семья прямо названа объектом государственной се-

¹ См., например: постановления Конституционного Суда РФ от 14.12.2021 № 52-П «По делу о проверке конституционности пункта 1.1 статьи 15.1 Федерального закона “О статусе военнослужащих” в связи с запросом 1-го Восточного окружного военного суда» ; от 09.04.2021 № 12-П «По делу о проверке конституционности пункта 7 статьи 430 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И. А. Беловой» ; от 02.03.2021 № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пункта 1 части первой статьи 134 и абзаца второго статьи 220 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О. С. Шишкиной» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.03.2025).

² См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 12.01.2018 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 36 и 82 Федерального закона “О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” в связи с жалобой гражданки Н. В. Кургаевой» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.03.2025).

³ См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 22.04.2020 № 20-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 17 Федерального закона “О страховых пенсиях” в связи с жалобой гражданки И. К. Дашковой» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.03.2025).

⁴ См., например: Рабец А. М. Принцип государственной охраны семьи, материнства, отцовства и детства в системе конституционного регулирования семейных отношений // Семейное и жилищное право. 2024. № 1. С. 18–21.

⁵ См., например: Осипова М. А. Конституционные ценности в сфере семейных отношений в решениях Конституционного Суда РФ // Семейное и жилищное право. 2018. № 5. С. 18–21.

⁶ Указ Президента РФ от 14.05.1996 № 712 «Об основных направлениях государственной семейной политики» (ред. от 05.10.2002) // Российская газета. № 94. 21.05.1996.

мейной политики. Добавим, что недавние конституционные преобразования, затронувшие институт семьи, были восприняты в качестве предпосылки новой семейно-правовой идеологии. Оценивая эти конституционные новеллы, О. Ю. Ильина подчеркнула, что принятые поправки к Конституции РФ «однозначно свидетельствуют о начале нового этапа совершенствования семейного законодательства»⁷.

Основное содержание

Семейная политика Российской Федерации находит отражение и в иных актах, и в первую очередь в Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г.⁸ Естественная связь государства, общества и семьи предполагает такую государственную политику, которая бы в полной мере обеспечивала устойчивость семейных групп, стабильность и нормальное функционирование института семьи, выполнение ею своих функций. Следует иметь в виду, что, будучи объектом государственной политики, семья одновременно выступает и объектом правового воздействия, что не тождественно. При этом семья подвергается правовому воздействию со стороны не только сугубо семейного, но и гражданского, уголовного, административного и иного отраслевого законодательства. Из этого следует принципиальный вывод о том, что воздействие на семью многогранно: оно не ограничивается нормами семейного законодательства. Ценность семейного права заключается в том, что оно охраняет и защищает интересы участников семейных правоотношений, фиксируя правовой статус членов семьи.

Семейные отношения, будучи предметом семейно-правового регулирования, испытывают влияние со стороны государства, заключающееся в использовании особого набора средств и приемов. Теория права изобилует научными

подходами к пониманию сущности метода правового регулирования, однако в основе большинства из них лежат идентичные характеристики. Мы исходим из того, что это понятие включает в себя репрезентативный способ, в результате применения которого через призму правовых норм государство достигает желаемой модели поведения участников общественных отношений.

Наибольшую сложность вызывает поиск универсального критерия, имеющего определяющее значение для выяснения метода правового регулирования конкретной отрасли права. Придерживаясь логики настоящего научного изыскания, мы будем исходить из квалификации в качестве такого критерия интереса.

Семейное законодательство исходит из приоритетной защиты интересов семьи, поставленных в более высокий ранг, чем интересы ее членов, что позволяет сделать вывод о превалировании публично-правовых начал в регулировании семейных отношений. С учетом допустимого семейным законодательством противостояния государственного интереса и интересов отдельных членов семьи законодатель должен стремиться к гармонизации антагонистических интересов, обеспечивая их баланс.

Например, в соответствии с п. 2 ст. 58 СК РФ имя ребенку дается по соглашению родителей. При этом согласно п. 3 ст. 18 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»⁹ «при отсутствии соглашения между родителями имя ребенка и (или) его фамилия (при разных фамилиях родителей) записываются в записи акта о рождении ребенка по указанию органа опеки и попечительства». Таким образом, вмешательство государства в лице органов опеки и попечительства в дела семьи предстает вынужденной мерой, охраняющей интересы ребенка. С такой же целью был принят Федеральный закон от 01.05.2017 № 94-ФЗ «О внесении изменений в статью 58 Семейного кодекса Рос-

⁷ Ильина О. Ю. Совершенствование Семейного кодекса Российской Федерации как процесс поиска баланса частных и публичных интересов // Актуальные вопросы обеспечения и защиты публично-правовых интересов : монография / отв. ред. Л. В. Туманова. М. : Проспект, 2023. С. 294.

⁸ Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.04.2025).

⁹ Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (ред. от 08.08.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.04.2025).

сийской Федерации и статью 18 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»¹⁰, предусматривающий запрет на использование в имени ребенка «цифр, буквенно-цифровых обозначений, числительных, символов и не являющихся буквами знаков, за исключением знака “дефис”, или их любой комбинации либо бранных слов, указаний на ранги, должности, титулы».

В пояснительной записке к соответствующему законопроекту отмечалось, что введение подобных ограничений необходимо для достижения «баланса между правом родителей и правом ребенка на имя». Обосновывая важность данных новелл, разработчики законодательной инициативы указали: «Предполагается, что при принятии решения о том, как назвать ребенка, родители действуют исходя из его интересов... свобода родительского усмотрения в отдельных случаях приводит к злоупотреблению родителями их родительскими правами»¹¹. Многочисленные случаи присвоения детям экзотических имен предопределили важность вмешательства государства в эту сферу через внесение соответствующих законодательных ограничений в интересах несовершеннолетних детей, что в числе прочего предопределено и принципом обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи (п. 3 ст. 1 СК РФ).

Вопрос о методе семейно-правового регулирования следует признать не менее спорным, чем о его предмете. В основе рассуждений о

специфике метода семейно-правового регулирования заложена дискуссия о соотношении императивных и диспозитивных начал, которая связана с вопросом о соотношении семейного и гражданского права.

Мнения ученых-юристов, высказанные в рамках обозначенной дискуссии, можно сгруппировать следующим образом: согласно первому подходу семейному праву свойствен императивный метод¹², в соответствии со вторым — императивно-диспозитивный¹³, согласно третьему — диспозитивный¹⁴, исходя из четвертого — диспозитивно-императивный¹⁵. О. Ю. Дерюшева, подчеркивая сочетание императивных и дозволительных начал в семейно-правовом регулировании, при этом отмечает, что диспозитивное регулирование занимает относительно небольшую долю в семейном праве¹⁶. Н. А. Матвеева полагает, что у семейного права императивно-диспозитивный метод, выражающийся, с одной стороны, в изобилии норм-запретов, а с другой — в предоставлении участникам семейных правоотношений свободы в выборе модели поведения¹⁷. Характеризуя метод семейного права в целом как диспозитивный, М. В. Антокольская пришла к выводу о том, что его особенностью выступает «сохранение значительного императивного начала»¹⁸. Как видим, критерием, положенным в основу обозначенной дискуссии, служит «удельный вес встречаемости» императивного и диспозитивного начал, что, по мнению В. А. Микрюкова, едва ли можно признать продуктив-

¹⁰ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.04.2025).

¹¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения порядка присвоения и регистрации имени» // URL: <http://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 16.04.2025).

¹² См., например: Семейное право / под ред. П. В. Крашенинникова. М., 2019. С. 13.

¹³ См., например: *Белякова А. М., Ворожейкин Е. М.* Советское семейное право. М. : Юридическая литература, 1974. С. 12 ; *Кравцова Л. Н.* Метод семейного права // Гражданское законодательство Российской Федерации как правовая среда гражданского общества : материалы международной научно-практической конференции : в 2 т. Краснодар, 2005. Т. 1. С. 129.

¹⁴ См., например: Гражданское право : учебник : в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2020. Т. 1. С. 9, 19 (автор параграфа — Н. В. Иванов).

¹⁵ См., например: *Корнеева И. Л.* Семейное право Российской Федерации : учеб. пособие. М. : Юристъ, 2005. С. 23 ; *Муратова С. А.* Семейное право : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2010. С. 8.

¹⁶ *Дерюшева О. И.* Об особенностях метода семейно-правового регулирования // Цивилист. 2023. № 4. С. 67–72.

¹⁷ *Матвеева Н. А.* Запреты в семейном праве // Семейное и жилищное право. 2023. № 6. С. 2–5.

¹⁸ *Антокольская М. В.* Семейное право : учебник. М. : Инфра-М, 2013. С. 31.

ным¹⁹. Действительно, выяснение процентного соотношения императивных и диспозитивных начал в правовом регулировании семейных отношений не позволяет сформировать целостное представление о его содержании и специфике. Л. И. Глушкова и С. О. Лозовская предложили оставить попытки выяснения преобладания императивных либо диспозитивных начал в семейно-правовом регулировании²⁰. Присоединяясь к высказанному предложению, подчеркнем, что анализ семейного законодательства, а также научных подходов к соотношению императивных и диспозитивных начал в семейном праве позволяет сделать вывод о невозможности построения безупречной аргументации в пользу преобладания тех или иных начал.

Критикуя обозначенные подходы к характеристике метода семейно-правового регулирования, В. А. Микрюков выдвигает тезис о том, что главной чертой метода семейного права выступает ситуационность. Доказывая свою точку зрения, он приводит следующие аргументы: и императивные, и диспозитивные нормы семейного законодательства могут быть ситуационными; широкое использование оценочных категорий в семейном законодательстве представляет собой проявление ситуационного регулирования; индивидуальный подход к регламентации поведения участников семейных правоотношений является основным²¹. Отметим, что на ситуационность как черту метода семейно-правового регулирования обращают внимание и иные ученые-юристы²². В литературе указывается и на другие черты метода семейно-правового регулирования, например

на наличие управомочивающе-обязывающих норм (так называемых прав-обязанностей)²³, личный характер семейно-правовых связей и т.п.²⁴ Несмотря на то что эти и некоторые иные черты действительно выделяют семейное право среди иных отраслей, это не позволяет выявить специфику его метода.

Нередко, характеризуя метод семейно-правового регулирования, ученые-юристы обращаются к целям, задачам и принципам семейного законодательства. Так, А. Н. Левушкин прямо пишет: «Цели, задачи и принципы семейно-правового регулирования являются своеобразным выражением императивности метода семейного права»²⁵. Связывая метод семейного права с его принципами и интересами, Н. Н. Тарусина в свое время отметила следующее: «Двигателем развития является триада интересов, два из которых относятся к индивиду (потребность невмешательства в его личную жизнь и одновременное желание получить необходимую помощь в разрешении семейных проблем), а один — к государству и обществу (интерес в контроле своего воспроизводства), частный компонент тесно переплетен с публичным, императив — с диспозитивом»²⁶. С учетом частноправовой сущности семейного права интересы, обращенные к индивиду, заслуживают особого внимания, поэтому предлагаем через их призму выяснить специфику семейно-правового регулирования.

Влияние частных интересов на содержание метода семейно-правового регулирования предполагает прежде всего установление оптимальных пределов государственного вме-

¹⁹ Микрюков В. А. Ситуационность — главная черта метода семейного права // Семейное и жилищное право. 2011. № 4. С. 7–12. См. также: Микрюков В. А., Микрюкова Г. А. О методе гражданского права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 1. С. 161–166.

²⁰ Семейное право / под ред. С. О. Лозовской. М.: Проспект, 2013. С. 18.

²¹ См. об этом: Микрюков В. А. Ситуационность — главная черта метода семейного права. С. 7–12.

²² См., например: Савельев Д. Б. Соглашения в семейной сфере: учеб. пособие. М.: Проспект, 2017; Темникова Н. А. Особенности семейно-правового метода // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 4 (45). С. 96–103.

²³ См. об этом: Рясенцев В. А. Советское семейное право: учебник. М.: Юридическая литература, 1971. С. 13–16; Филиппова Т. А., Маньковский И. Ю., Титаренко Е. П. Практическое значение определения отраслевой самостоятельности семейного права // Семейное и жилищное право. 2019. № 5. С. 19–22.

²⁴ См. об этом: Яковлев В. Ф. Избранные труды. М.: Статут, 2012. Т. 2: Гражданское право: история и современность. Кн. 1. С. 17.

²⁵ Левушкин А. Н. Теоретическая модель построения системы семейного законодательства Российской Федерации и других государств — участников Содружества Независимых Государств: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 179.

²⁶ Тарусина Н. Н. Семейное право: учеб. пособие. М.: Проспект, 2001. С. 25.

шательства в дела семьи. В научной литературе обращается внимание на то, что российское семейное законодательство исходит из невмешательства государства и публичных органов в дела семьи, в то время как в зарубежных правовых порядках складывается противоположная тенденция, связанная с расширением участия государства в семейных отношениях²⁷. Однако в последнее время всё чаще звучит идея усиления императивности в отечественном правовом регулировании общественных отношений с участием граждан, имеющих детей. Как справедливо отметила О. Ю. Ильина, анализ проектируемых норм, а также некоторых новелл семейного законодательства позволяет обнаружить тенденцию усиления публично-правовых начал в механизме семейно-правового регулирования²⁸. Нередко защита так называемых слабых членов семьи, в первую очередь детей, оправдывает вмешательство в дела семьи, однако законодательством предусмотрены пределы такого вмешательства, что обеспечивает баланс частных и публичных интересов. По справедливому замечанию М. А. Осиповой, «вмешательство со стороны государства заключается не только в установлении правил и мер ответственности, но и в выполнении своих конституционных обязанностей по поддержке и защите семьи, что должно определять и общий подход к совершенствованию законодательства в сфере семейных отношений»²⁹. В то же время баланс частных и публичных интересов в брачно-семейной сфере достижим только при актуализации соотношения императивных и диспозитивных норм с учетом объективных потребностей общества в исследуемой сфере.

Потребность в невмешательстве в личную жизнь индивида удовлетворяется за счет созвучного с ней принципа, обозначенного в ст. 1 СК РФ, — недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи. Обращая внимание на этот принцип, следует подчеркнуть многогранность общественных отношений, возникающих между членами се-

мьи. Нередко эти отношения носят достаточно сложный характер, создавая предпосылки для произвольного вмешательства в дела семьи, однако это недопустимо.

На наш взгляд, в российском обществе недостаточно развиты традиции уважения каждой отдельно взятой семьи и невмешательства в ее внутренние дела. Так, родители взрослого ребенка, создавшего собственную семью, нередко допускают грубое вторжение в дела молодой семьи; супруги, состоящие в браке между собой, вступают в интимные связи с третьими лицами, создавая тем самым условия для их вмешательства в дела семьи; мужчина, вступая в брак с беременной от другого мужчины женщиной, впоследствии записывается отцом ребенка, рожденного такой женщиной, а биологический отец, вспомнивший про свое отцовство и воспылавший чувствами к родившемуся ребенку, нередко безосновательно вторгается в чужую семью. Аналогичная ситуация возникает, когда мужчина и женщина, не состоящие в браке между собой, подают совместное заявление по п. 2 ст. 51 СК РФ, являющееся основанием для записи этого мужчины в качестве отца ребенка. При этом согласно п. 2 ст. 52 СК РФ «требование лица, записанного отцом ребенка на основании пункта 2 статьи 51 настоящего Кодекса, об оспаривании отцовства не может быть удовлетворено, если в момент записи этому лицу было известно, что оно фактически не является отцом ребенка».

Подчеркнем, что принцип недопустимости произвольного вмешательства в дела семьи достаточно часто используется для усиления аргументации по делам об оспаривании отцовства по иску наследника лица, записанного в качестве отца ребенка. Так, Конституционный Суд РФ, рассматривая жалобу гражданки О. С. Шишкиной, пришел к выводу о том, что пункт 1 ст. 52 СК РФ не соответствует Конституции РФ³⁰, что послужило основанием для дальнейшей законотворческой работы: Федеральным законом от 04.08.2022 № 362-ФЗ

²⁷ См. об этом: Хабриева Т. Я., Ковлер А. И., Курбанов Р. А. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации : монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : Норма, Инфра-М, 2023.

²⁸ Ильина О. Ю. К вопросу об изменении предмета и метода семейно-правового регулирования // Семейное право: современные проблемы теории и практики : материалы международного круглого стола, Минск, 16–17 октября 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; ред. кол.: В. Н. Годунов (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2020. С. 151–158.

²⁹ Осипова М. А. К вопросу о пределах государственного вмешательства в сферу семейных отношений // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 3. С. 25.

³⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2021 № 4-П.

«О внесении изменения в статью 52 Семейного кодекса Российской Федерации» пункт 1 ст. 52 СК РФ был дополнен абзацем 2 следующего содержания: «Запись об отце ребенка в книге записей рождений, произведенная в соответствии с пунктом 2 статьи 51 настоящего Кодекса, может быть оспорена в судебном порядке также по требованию наследника лица, записанного в качестве отца ребенка. Соответствующее требование может быть удовлетворено в случае нарушения положений указанного пункта, в том числе если такая запись произведена на основании подложных документов либо без свободного волеизъявления лица, отцовство которого было установлено во внесудебном порядке»³¹.

Добавим, что до внесения указанных изменений Пленум Верховного Суда РФ, толкуя п. 1 ст. 52 СК РФ во взаимосвязи с п. 1 и 2 ст. 51, пояснил, что перечень указанных в этих нормах лиц является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит ввиду того, что семейное законодательство исходит из недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи (ст. 1 Кодекса)³². Проанализировав решение Центрального районного суда г. Прокопьевска Кемеровской области от 30.03.2017 по делу № А-480/2017, в котором суд отказал в применении по аналогии ст. 56 СК РФ к правам и обязанностям органа опеки и попечительства в отношениях, связанных с установлением отцовства, В. А. Микрюков пояснил, что принцип недопустимости произвольного вмешательства в дела семьи детерминирует недопустимость расширительного толкования норм семейного законодательства, которые определяют перечень лиц, обладающих правом на обращение в суд с иском об установлении отцовства (ст. 49 СК РФ), и субъектов, спо-

собных оспаривать запись о родителях в книге записей рождений³³.

Кроме обозначенной жалобы гражданки О. С. Шишкиной, Конституционный Суд РФ рассматривал и иные заявления, связанные с принципом невмешательства в дела семьи. Так, Ч. оспаривал конституционность п. 1 ст. 52 СК РФ в связи с тем, что он, будучи предполагаемым отцом ребенка, не относится к лицам, имеющим право оспорить запись об отце. Как следует из представленных материалов, Ч., предполагая свое отцовство в отношении двух несовершеннолетних детей, которые фактически проживали с матерью и ее супругом, записанным в качестве отца этих детей, предпринял попытку выяснения истинных кровнородственных связей между ним и несовершеннолетними детьми. Однако в этом ему было отказано, в том числе в связи с действием принципа недопустимости произвольного вмешательства в дела семьи³⁴. Оценивая эту ситуацию, следует добавить, что, даже если заявитель действительно является отцом двух несовершеннолетних детей, он не вправе вмешиваться в дела семьи, сложившейся между матерью, ее супругом и детьми. Именно между этими лицами сформировались близкие лично-доверительные отношения и устойчивая эмоциональная связь. Поэтому Ч. является по отношению к этой семье посторонним, не имеющим права на вмешательство в ее дела.

По справедливому замечанию О. Ю. Ильиной, в каждом конкретном случае требуется установление оснований и форм вмешательства третьих лиц, не являющихся субъектами семейных правоотношений, в дела соответствующей семьи³⁵. Анализируя законы некоторых субъектов РФ, устанавливающие административную ответственность за склонение женщины

³¹ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.03.2025).

³² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» (ред. от 26.12.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

³³ См. об этом: Микрюков В. А. Аналогия закона и аналогия права в практике разрешения семейно-правовых споров. М.: Статут, 2021.

³⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 30.05.2024 № 1272-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ч. на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.03.2025).

³⁵ См. об этом: Ильина О. Ю. Невмешательство в дела семьи или обеспечение прав третьих лиц: основания и приоритеты // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2022. № 2 (70). С. 23–32.

к аборту, автор приходит к выводу о том, что единственным аргументом в поддержку такой инициативы можно признать действие принципа недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи³⁶.

А. Х. Ульбашев отмечает, что законодатель предоставляет родителям «неограниченные возможности в реализации личных родительских прав», что детерминировано действием принципа недопустимости произвольного вмешательства в дела семьи³⁷. С указанным принципом А. В. Швабауэр связывает недопустимость необоснованного отобрания детей у родителей на основании ст. 77 СК РФ и утверждает, что проблема определения непосредственной угрозы согласно данной статье привела к формированию практики избыточного вмешательства в семью³⁸. Пленум Верховного Суда РФ не только сформулировал определение понятия «непосредственная угроза» для целей ст. 77 Кодекса³⁹, но и предложил примерный перечень действий (бездействия), которые могут создать такую угрозу (непредоставление малолетнему ребенку воды, питания, крова, неосуществление ухода за грудным ребенком либо оставление его на длительное время без

присмотра и т.д.)⁴⁰. Для совершенствования механизма отобрания ребенка по правилам ст. 77 СК РФ был разработан законопроект, предполагающий внесение изменений в ряд нормативных правовых актов, в том числе в Кодекс. В пояснительной записке к этому законопроекту отмечалось: «Многолетняя практика применения статьи 77 Семейного кодекса Российской Федерации нередко свидетельствует о произвольном вмешательстве органов власти в дела семьи, от чего страдают как дети, так и родители (усыновители, опекуны)»⁴¹. Однако этот законопроект не получил одобрения и впоследствии был снят с рассмотрения Советом Государственной Думы ФС РФ.

С принципом недопустимости произвольного вмешательства в дела семьи тесно связан принцип разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию, содержащийся в п. 3 ст. 1 СК РФ. Неудивительно, что зачастую в правоприменительных актах эти принципы упоминаются в паре⁴². Акцентируя значимость принципа разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию, О. И. Величкова отметила: «Согласитесь, мало найдется отраслей права, где подобная идея возведена в ранг

³⁶ См. об этом: *Ильина О. Ю.* Двойная сплошная, или К вопросу о свободе репродуктивного выбора супругов // Семейное и жилищное право. 2024. № 3. С. 5–8.

³⁷ *Ульбашев А. Х.* Общее учение о личных правах. М.: Статут, 2019.

³⁸ *Швабауэр А. В.* Институт отобрания ребенка у родителей: недостатки правового регулирования и пути разрешения проблем // Российская юстиция. 2020. № 10. С. 42–44.

³⁹ Так, Пленум Верховного Суда РФ постановил, что «под непосредственной угрозой жизни или здоровью ребенка, которая может явиться основанием для вынесения органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации либо главой муниципального образования акта о немедленном отобрании ребенка и изъятии его из семьи, следует понимать угрозу, с очевидностью свидетельствующую о реальной возможности наступления негативных последствий в виде смерти, причинения вреда физическому или психическому здоровью ребенка вследствие поведения (действий или бездействия) родителей (одного из них) либо иных лиц, на попечении которых ребенок находится. Такие последствия могут быть вызваны, в частности, отсутствием ухода за ребенком, отвечающего физиологическим потребностям ребенка в соответствии с его возрастом и состоянием здоровья» (п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Российская газета. № 262. 20.11.2017).

⁴⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44.

⁴¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 986679-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (редакция, внесенная в Государственную Думу ФС РФ; текст по состоянию на 10.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴² См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 14.04.2022 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”, абзаца восьмого части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 1 статьи 61 и пункта 1 статьи 80 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О. Г. Клепиковой» // Российская газета. № 95. 04.05.2022; по-

принципа права»⁴³. Этот принцип предопределяет диспозитивность правового регулирования семейных отношений: гарантируя свободу выбора варианта поведения, законодатель тем самым подчеркивает приоритет частного интереса в отношениях, возникающих между членами семьи. Например, С. Ю. Чашкова связывает этот принцип с предоставленной супругам свободой в выборе законного или договорного режима их имущества⁴⁴. Соглашаясь с автором, добавим, что принцип разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию способствует эффективности соглашений в рамках семейного правоотношения.

Таким образом, принцип недопустимости произвольного вмешательства в дела семьи является своеобразным маркером, подчеркивающим специфику метода семейно-правового регулирования. Представление о семье как об особом правоотношении с определенным субъектным составом позволяет произвести четкую дифференциацию между членами семьи и третьими лицами, на которых распространяется данный принцип.

Специфика метода семейного права заключается в том, что семейные отношения регулируются по усмотрению самих субъектов в пределах, предусмотренных семейным законодательством. Данные пределы могут быть квалифицированы в качестве норм преимущественно императивной направленности, что позволяет сделать вывод об императивно-диспозитивном методе правового регулирования семейных правоотношений. В то же время мы исходим из объективной потребности в демократизации семейного законодательства, т.е. увеличении числа норм права, предоставляющих участникам семейных отношений дополнительные правовые возможности по учету их частного интереса. Несмотря на то что такие правовые возможности потенциально свойст-

венны и действующему семейному законодательству, во многом построенному по принципу «разрешено всё, что не запрещено», важно создать соответствующую законодательную тенденцию. По справедливому замечанию О. Ю. Ильиной, самостоятельность участников семейных правоотношений ограничивается только необходимостью получения согласия либо иных членов семьи, либо органов публичной власти⁴⁵. Отсюда следует, что частные интересы участников семейных правоотношений могут быть эффективно реализованы в рамках преимущественно диспозитивного метода правового регулирования, что предопределяет значимость увеличения количества диспозитивных семейно-правовых норм. Применительно к семейному законодательству в целом отечественный законодатель занимает консервативную позицию, руководствуясь, по всей видимости, тем, что «семейная сфера правового регулирования требует очень взвешенного и аккуратного регулирования»⁴⁶.

Следует согласиться с тем, что современная правовая политика направлена на всемерную поддержку семей, имеющих детей. В отношениях публичного характера, где семья взаимодействует с другими институтами общества, действительно наблюдается усиление императивных начал, однако непосредственно в семейных отношениях, где господствуют частные интересы, этого не происходит. Конституционные новеллы 2020 г., касающиеся семьи, способствовали активизации законотворческой деятельности некоторых субъектов РФ, которые стали включать нормы о защите семьи в конституции и уставы. С позиции настоящего исследования особого внимания заслуживает статья 14 Устава Тульской области, согласно которой в области «обеспечивается недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, создаются условия для беспрепятствен-

становление Конституционного Суда РФ от 25.06.2020 № 29-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 21 Федерального закона “О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию” в связи с жалобой гражданина И. В. Николаенко» // Российская газета. № 149. 09.07.2020.

⁴³ Переговоры в гражданском праве и цивилистическом процессе : монография / Р. Ю. Банников, О. И. Величкова, Е. А. Евтухович [и др.] ; под ред. Е. И. Носыревой, Д. Г. Фильченко. М. : Статут, 2023 (автор параграфа — О. И. Величкова).

⁴⁴ Семейное право : учебник / под общ. ред. Е. В. Вавилина. М. : Проспект, 2023. С. 162–163 (автор — С. Ю. Чашкова).

⁴⁵ Ильина О. Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М. : Городец, 2007. С. 173.

⁴⁶ Крашенинников П. В. Нужен ли России новый Семейный кодекс? // Семейное и жилищное право. 2017. № 1. С. 3.

ного осуществления членами семьи своих прав и механизмы, призванные гарантировать поддержку семьи, а также реализацию прав ребенка на воспитание, отдых и оздоровление, защиту прав и законных интересов детей, подготовку их к полноценной жизни в обществе»⁴⁷. Примечательно, что принцип недопустимости произвольного вмешательства в дела семьи не только помещен в основной закон субъекта РФ, но еще и обозначен на первом месте.

Выводы

Установлено, что приоритет публичных интересов, свойственный семье и проявляющийся в ее взаимодействии с иными институтами общества, предопределяет императивный характер правового воздействия в этой предметной сфере, что находит подтверждение в актах, отражающих семейно-правовую политику. Усиление императивных начал наблюдается именно в этой системе координат, т.е. в сфере правового регулирования общественных отношений, возникающих с участием семей, имеющих детей, что не тождественно семейным правоотношениям.

Доказано, что приоритет частных интересов, свойственный семейным отношениям, детерминирует преимущественно диспозитивный характер правового воздействия на них, обусловленный наличием принципов недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи и разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию. При изучении специфики метода семейно-правового регулирования необходимо исходить из того, что семейные отношения, понимаемые как отношения только между членами семьи, являются истинным объектом правового воздействия.

Игнорирование этого факта приводит к необоснованному расширению предмета семейно-правового регулирования за счет включения в него отношений, возникающих между членами семьи и иными лицами за ее пределами, и, как следствие, неверному восприятию его метода. В то же время действительное расширение предмета семейно-правового регулирования, связанное с объективными тенденциями трансформации семейного союза, требует соответствующего изменения и метода за счет усиления в нем диспозитивных начал, однако подобное расширение не находит поддержки со стороны законодателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антокольская М. В.* Семейное право : учебник. М. : Инфра-М, 2013. 431 с.
- Белякова А. М., Ворожейкин Е. М.* Советское семейное право. М. : Юридическая литература, 1974. 303 с.
- Гражданское право : учебник : в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева. Т. 1. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2020. 1040 с.
- Дерюшева О. И.* Об особенностях метода семейно-правового регулирования // *Цивилист.* 2023. № 4. С. 67–72.
- Ильина О. Ю.* Двойная сплошная, или К вопросу о свободе репродуктивного выбора супругов // *Семейное и жилищное право.* 2024. № 3. С. 5–8.
- Ильина О. Ю.* К вопросу об изменении предмета и метода семейно-правового регулирования // *Семейное право: современные проблемы теории и практики : материалы международного круглого стола, Минск, 16–17 октября 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; ред. кол.: В. Н. Годунов (гл. ред.) [и др.].* Минск : БГУ, 2020. С. 151–158.
- Ильина О. Ю.* Невмешательство в дела семьи или обеспечение прав третьих лиц: основания и приоритеты // *Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право».* 2022. № 2 (70). С. 23–32.
- Ильина О. Ю.* Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М. : Городец, 2007. 192 с.
- Ильина О. Ю.* Совершенствование Семейного кодекса Российской Федерации как процесс поиска баланса частных и публичных интересов // *Актуальные вопросы обеспечения и защиты публично-правовых интересов : монография / отв. ред. Л. В. Туманова.* М. : Проспект, 2023. С. 293–302.
- Корнеева И. Л.* Семейное право Российской Федерации : учеб. пособие. М. : Юрист, 2005. 318 с.

⁴⁷ URL: <https://tularegion.ru/tula/ustav/?ysclid=m1rlxqvrny689342164> (дата обращения: 24.03.2025).

Кравцова Л. Н. Метод семейного права // Гражданское законодательство Российской Федерации как правовая среда гражданского общества : материалы международной научно-практической конференции : в 2 т. Т. 1. Краснодар, 2005. С. 122–129.

Крашенинников П. В. Нужен ли России новый Семейный кодекс? // Семейное и жилищное право. 2017. № 1. С. 3–7.

Левушкин А. Н. Теоретическая модель построения системы семейного законодательства Российской Федерации и других государств — участников Содружества Независимых Государств : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 462 с.

Матвеева Н. А. Запреты в семейном праве // Семейное и жилищное право. 2023. № 6. С. 2–5.

Микрюков В. А. Аналогия закона и аналогия права в практике разрешения семейно-правовых споров. М. : Статут, 2021. 164 с.

Микрюков В. А. Ситуационность — главная черта метода семейного права // Семейное и жилищное право. 2011. № 4. С. 7–12.

Микрюков В. А., Микрюкова Г. А. О методе гражданского права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 1. С. 161–166.

Муратова С. А. Семейное право : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2010. 367 с.

Осипова М. А. К вопросу о пределах государственного вмешательства в сферу семейных отношений // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 3. С. 22–25.

Осипова М. А. Конституционные ценности в сфере семейных отношений в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2018. № 5. С. 18–21.

Переговоры в гражданском праве и цивилистическом процессе : монография / Р. Ю. Банников, О. И. Величкова, Е. А. Евтухович [и др.] ; под ред. Е. И. Носыревой, Д. Г. Фильченко. М. : Статут, 2023. 272 с.

Рабец А. М. Принцип государственной охраны семьи, материнства, отцовства и детства в системе конституционного регулирования семейных отношений // Семейное и жилищное право. 2024. № 1. С. 18–21.

Рясенцев В. А. Советское семейное право : учебник. М. : Юридическая литература, 1971. 256 с.

Савельев Д. Б. Соглашения в семейной сфере : учеб. пособие. М. : Проспект, 2017. 144 с.

Семейное право / под ред. П. В. Крашенинникова. М., 2019. 315 с.

Семейное право / под ред. С. О. Лозовской. М. : Проспект, 2013. 550 с.

Семейное право : учебник / под общ. ред. Е. В. Вавилина. М. : Проспект, 2023. 440 с.

Тарусина Н. Н. Семейное право. М. : Проспект, 2001. 144 с.

Темникова Н. А. Особенности семейно-правового метода // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 4 (45). С. 96–103.

Ульбашев А. Х. Общее учение о личных правах. М. : Статут, 2019. 255 с.

Филиппова Т. А., Маньковский И. Ю., Титаренко Е. П. Практическое значение определения отраслевой самостоятельности семейного права // Семейное и жилищное право. 2019. № 5. С. 19–22.

Хабриева Т. Я., Ковлер А. И., Курбанов Р. А. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации : монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : Норма, Инфра-М, 2023. 384 с.

Швабауэр А. В. Институт отобрания ребенка у родителей: недостатки правового регулирования и пути разрешения проблем // Российская юстиция. 2020. № 10. С. 42–44.

Яковлев В. Ф. Избранные труды. Т. 2 : Гражданское право: история и современность. Кн. 1. М. : Статут, 2012. 976 с.

REFERENCES

- Antokolskaya MV. Family Law. Moscow: Infra-M Publ.; 2013. (In Russ.).
- Bannikov RYu, Velichkova OI, Evtukhovich EA, et al. Nosyreva EI, Filchenko DG (eds.). Negotiations in civil law and civil process. Moscow: Statut Publ.; 2023. (In Russ.).
- Belyakova AM, Vorozheikin EM. Soviet Family Law. Moscow: Juridicheskaja literatura Publ.; 1974. (In Russ.).
- Deryusheva OI. ON The Specifics of the Method of Family Law Regulation. *Civilist*. 2023;4:67-72. (In Russ.).
- Filippova TA, Mankovsky IYu, Titarenko EP. The practical significance of determining the sectoral independence of family law. *Family and Housing Law*. 2019;5:19-22. (In Russ.).

Ilyina OYu. Double continuous, or On the issue of freedom of reproductive choice of spouse. *Family and Housing Law*. 2024;3:5-8. (In Russ.).

Ilyina OYu. Improvement of the Family Code of the Russian Federation as a process of finding a balance of private and public interests. In: Tumanov LV (ed.). *Topical issues of ensuring and protecting public legal interests*. Moscow: Prospekt Publ.; 2023. (In Russ.).

Ilyina OYu. Non-interference in family affairs or ensuring the rights of third parties: grounds and priorities. *Vestnik TvSU. «Law» Series*. 2022;2(70):23-32. (In Russ.).

Ilyina OYu. On the issue of changing the subject and method of family law. In: Godunov VN (ed.). *Family Law: Modern Problems of Theory and Practice. Proceedings of the International Round Table, Minsk, October 16–17, 2020. Belarus State University*. Minsk: BSU Publ.; 2020. (In Russ.).

Ilyina OYu. Problems of interest in family law of the Russian Federation. Moscow: Gorodets Publ.; 2007. (In Russ.).

Khabrieva TYa, Kovler AI, Kurbanov RA. Doctrinal foundations of the practice of the Supreme Court of the Russian Federation. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2023. (In Russ.).

Korneeva IL. Family law of the Russian Federation. Moscow: Jurist; 2005. (In Russ.).

Krashennikov PV. Does Russia need a new Family Code? *Family and Housing Law*. 2017;1:3-7. (In Russ.).

Krashennikov PV. Family Law. Moscow; 2019. (In Russ.).

Kravtsova LN. The method of family law. Civil legislation of the Russian Federation as a legal environment of civil society: materials of an international scientific and practical conference: In 2 vols. Krasnodar; 2005. (In Russ.).

Levushkin AN. Theoretical model of building a system of family legislation of the Russian Federation and other member states of the Commonwealth of Independent States. Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow: 2013. (In Russ.).

Lozovskaya SO. Family Law. Moscow: Prospekt Publ.; 2013. (In Russ.).

Matveeva NA. Prohibitions in family law. *Family and Housing Law*. 2023;6:2-5. (In Russ.).

Mikryukov VA, Mikryukova GA. On the method of civil law. *Perm University Herald. Legal Sciences*. 2013;1:161-166. (In Russ.).

Mikryukov VA. Analogy of law and analogy of law in the practice of resolving family legal disputes. Moscow: Statut Publ.; 2021. (In Russ.).

Mikryukov VA. Situationality is the main feature of the method of family law. *Family and Housing Law*. 2011;4(7-12). (In Russ.).

Muratova SA. Family law: a textbook for university students studying in the specialty «Jurisprudence». 5th ed. Moscow: Unity-Dana Publ.; 2010. (In Russ.).

Osipova MA. Constitutional values in the field of family relations in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Family and Housing Law*. 2018;5:18-21. (In Russ.).

Osipova MA. On the question of the limits of state intervention in the sphere of family relations. *Constitutional and Municipal Law*. 2018;3:22-25. (In Russ.).

Rabets AM. The principle of state protection of the family, motherhood, paternity and childhood in the system of constitutional regulation of family relations. *Family and Housing Law*. 2024;1:18-21. (In Russ.).

Ryasentsev VA. Soviet family law. Moscow: Juridicheskaja literatura Publ.; 1971. (In Russ.).

Savelyev DB. Agreements in the family sphere. Moscow: Prospekt Publ.; 2017. (In Russ.).

Schwabauer AV. Institute for taking away a child from parents: shortcomings of legal regulation and ways to resolve problems. *Russian Justitia*. 2020;10:42-44. (In Russ.).

Sergeev AP (ed.). Civil Law: In 3 volumes. Vol. 1. 2nd ed. Moscow: Prospekt Publ.; 2020. (In Russ.).

Tarusina NN. Family Law. Moscow: Prospekt Publ.; 2001. (In Russ.).

Temnikova NA. Features of the family legal method. *Bulletin of Omsk University. «Law» Series*. 2015;4(45):96-103. (In Russ.).

Ulbashev AKh. General doctrine of personal rights. Moscow: Statut Publ.; 2019. (In Russ.).

Vavilin EV. Family Law. Moscow: Prospekt Publ.; 2023. (In Russ.).

Yakovlev VF. Selected works. Vol. 2: Civil law: history and modernity. Book 1. Moscow: Statut Publ.; 2012. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кокова Диана Аслановна, кандидат юридических наук, нотариус Чегемского национального района Кабардино-Балкарской Республики, доцент кафедры гражданского права и процесса Института права, экономики и финансов Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х.М. Бербекова д. 173, Чернышевского ул., г. Нальчик 360004, Российская Федерация
d.kokowa@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Diana A. Kokova, Cand. Sci. (Law), Notary of the Chegem National District of the Kabardino-Balkarian Republic, Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Institute of Law, Economics and Finance, Kabardino-Balkaria State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation
d.kokowa@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 16 января 2025 г.

Статья получена после рецензирования 14 июля 2025 г.

Принята к печати 15 февраля 2026 г.

Received 16.01.2025.

Revised 14.07.2025.

Accepted 15.02.2026.